

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

МАРШАК СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

«МАРШАК СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

*Беседы о С. Я. Маршаке
для учащихся 7—8 классов*

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1976

Составитель В. П. Раскина
Редактор В. Д. Разова, доцент
ЛГИК им. Н. К. Крупской

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

— О чем твои стихи? —

Не знаю, брат.

Ты их прочти,

коли придет охота.

Стихи живые сами говорят,

И не о чем-то говорят,

А что-то.

С. Маршак.

К 75-летию Самуила Яковлевича Маршака поэт Михаил Светлов написал эпиграмму:

«Труднейших множество дорог,
Где может заблудиться муза,
Но все распутья превозмог
Маршак Советского Союза».

С малых лет знакомы вам, ребята, простые и звонкие стихи Самуила Яковлевича Маршака. Все вы в детстве читали и знали наизусть «Багаж», «Детки в клетке», «Вот какой рассеянный»... А знаете, что Маршак переводил для малышей народные песенки, стихи и сказки многих народов мира, а для взрослых — сонеты Шекспира, стихи и песни Бернса? Голоса многих поэтов мира стали известны нам, советским читателям, благодаря С. Я. Маршаку. Перу С. Я. Маршака принадлежат и «взрослые» лирические стихи. С. Я. Маршак был и драматургом, и сатириком, и чутким мемуаристом.

За 60 лет литературного творчества Маршаком была создана богатейшая библиотека и для читателей, умудренных житейским и литературным опытом, и для тех, кто делает только первые шаги по земле.

Лауреат Ленинской премии
САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК.

1887—1964 гг.

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик лется,
И ловит капли детская рука.

С. МАРШАК.

Самуил Яковлевич Маршак родился 4 ноября 1887 года в гор. Воронеже. Отец его, Яков Миронович, был мастером-химиком, работал на разных мыловаренных заводах, увлекался химическими опытами, искал железную руду, занимался различными проектами и изобретениями. Поэтому семья часто переезжала с места на место: Воронеж, Псков, снова Воронеж, Бахмут (ныне Артемьевск), Острогжск.

Пока отец служит на заводах, мать, Евгения Борисовна, еле-еле сводит концы с концами, но когда отец, увлекшись

очередным изобретением, оставляет службу, семье приходится туго.

Надолго запомнились детям переезды из города в город, дорожная суета, гудки паровозов и пенье колес. Много лет спустя в цикле стихов «Память детства» Маршак воскресил эти картины бродячей, кочевой жизни:

В край далекий, незнакомый
Едет вся моя семья.
Третьи сутки вместо дома
У нее одна скамья.
Тесновато нам пемпожко
Это новое житье.
Но открытое окошко
Перед столиком — мое!

Еще в школе Самуил Яковлевич начал писать стихи, но больше всего он занимался переводами стихов древних поэтов, и некоторые черты его дарования раскрылись именно в переводах.

В 1902 году в жизни Маршака произошли важные перемены. Стихи юного поэта прочитал известный художественный критик В. В. Стасов. Благодаря настойчивым хлопотам Стасова, Маршака переводят в 3-ю петербургскую гимназию. Это было одно из тех столичных учебных заведений, куда поступали главным образом дети состоятельных родителей. Дух кастовости и угодничества в гимназии был очень силен. Но знания она давала прочные. В гимназии Самуил Яковлевич продолжал много заниматься переводами.

Для Маршака было большим счастьем, что еще в ранней юности ему довелось встретить таких знатоков и почитателей народной поэзии, как В. В. Стасов, Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький. В. В. Стасов принял большое участие в судьбе Маршака. Любил и ценил Маршака Александр Блок.

С детства Самуил Яковлевич был слаб здоровьем и часто болел. Петербургский климат пагубно отразился на его здоровье, и Маршак заболел. Алексей Максимович Горький отправил мальчика в Ялту, где в то время проживала его семья. Прожил Маршак в Ялте более двух лет. Возвратясь из Ялты, Маршак не нашел своих покровителей: Стасов умер, а Горький и Шаляпин жили тогда за границей. Маршаку пришлось начинать свой путь в литературу самостоятельно.

В 1912 году Маршак слушал лекции в Лондонском университете, там он в совершенстве овладевает английским

языком, много работает над переводами с английского, особенно увлекается фольклором. Живя в Англии, Самуил Яковлевич посылал свои переводы в Россию в журналы «Северные записки» и «Русская мысль».

Еще до поездки в Англию Маршак посещал приюты царского времени, принимая активное участие в судьбе бездомных и осиротевших детей. Октябрьская революция смела до основания заплесневелые благотворительные приюты России. В первые же революционные годы Маршак с энтузиазмом работает в различных учреждениях, занятых устройством детей. В 1917 году он приехал в Краснодар. С переездом Маршака в Краснодар на страницах местной газеты стали появляться хлесткие стихотворные фельетоны. После восстановления на Кубани советской власти Маршак заведовал одной из секций областного отдела народного образования. Новые обязанности захватили его целиком, он активно участвовал в организации детских домов и колоний, а в начале 20-х годов вместе с некоторыми педагогами, литераторами, художниками и композиторами взялся за создание в Краснодаре «Детского городка» — целого комплекса детских учреждений со своей библиотекой, детским садом, кружками и мастерскими. Посещение такого городка становилось настоящим праздником. Но особенно привлекал детей и подростков детский театр. Он и объединял весь «Детский городок». Как писатель, Маршак выступал тогда преимущественно в жанре драматургии. Сам С. Я. Маршак, вспоминая эти годы, писал: «Не знаешь, чему больше удивляться: тому, что в стране, истощенной интервенцией и гражданской войной, мог возникнуть и существовать несколько лет «Детский городок», или же самоотверженности его работников, довольствовавшихся скудным пайком и заработком».

В 1922—1924 годах С. Я. Маршак работает в Ленинградском театре юного зрителя.

С 1922 года Самуил Яковлевич редактировал детский журнал «Воробей», впоследствии этот журнал назывался «Новый робинзон». (На страницах журнала впервые стали печататься Борис Житков, Виталий Бианки, М. Ильин, Евг. Шварц).

С 1924 года по 1937 год Маршак работал в Ленинградской редакции Детгиза. Многие молодые детские писатели прошли через «Академию Маршака», так называли детский отдел Ленгосиздата.

С. Я. Маршак написал около 200 произведений: стихов, песен, шуток, загадок, сказок.

Он был талантливым журналистом. Часто на страницах газет «Правда» и «Известия» печатались его фельетоны, сатирические стихи, эпиграммы, литературоведческие статьи. С. Я. Маршак — прекрасный переводчик. Он познакомил нас с творчеством знаменитого итальянского писателя Джанни Родари. Все ребята знают и английские народные детские песенки в сборнике С. Я. Маршака «Плывет, плывет кораблик». Книги поэта читают не только у нас, где они изданы на 60 языках народов нашей страны, но и во многих зарубежных странах.

В годы Великой Отечественной войны С. Я. Маршак писал тексты к боевым плакатам и листовкам «Окна ТАСС», постоянно выступал на страницах центральной печати. Он работал в то грозное время с неутомимостью. За один только 1941 год на страницах центральной и армейской печати было опубликовано 113 ярких, патриотических стихотворений С. Я. Маршака. Сатира Маршака стояла рядом с гневной публицистикой И. Эренбурга, фельетонами Д. Бедного, рисунками Кукрыниксов. Вспоминая работу Маршака в период Великой Отечественной войны, В. Кожевников писал: «Он был близким, родным человеком всем правдистам, потому что на страницах «Правды» сражался, как воин».

За свой многолетний труд поэт награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Великой Отечественной войны 1-й степени.

С. Я. Маршак умер 4 июля 1964 года. Жизнь его была большой не по долготе прожитых лет, а по его делам. Самуил Яковлевич оставил большое литературное наследие не только детям, много написано и переведено и для взрослых.

Несколько поколений выросли на детских стихах Маршака. Его непревзойденные по изобретательности, точности и красоте переводы, его тихая, мудрая лирика и емкая, лаконичная и четкая проза навсегда вошли в русскую литературу.

У небольшой книги Маршака «Избранная лирика», удостоенной Ленинской премии, есть существенная особенность, отличающая эту книгу от лирических сборников большинства поэтов мира. Эта книга, где были впервые собраны лирические стихи Маршака, вышла в 1962 году, когда автору было семьдесят пять лет. Примерно полтора десятилетия писала эта книга поэтом, который был уже признанным классиком советской детской литературы. Стихи Маршака полны

благородства и достоинства, они облагораживают и очищают, они отважны и героичны, очень созвучны рыцарскому идеалу подростков:

Когда, как темная вода
Лихая, лютая беда
Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
И продолжала путь.

Эти строки Самуил Яковлевич написал, когда узнал, как мужественно и стойко встретила смерть Т. У. Габбе, драматург, редактор, большой друг поэта.

Наверно больше всего Маршак близок юным потому, что сохранил до самой смерти детскую чистоту восприятия жизни, потому, что он смотрит на мир нашими глазами, говорит с нами нашим языком.

Мы солнце в дороге не видели днем —
Погода была грозная.
Когда же оно засверкало огнем,
Ты спутникам что-то сказала о нем,
По-детски его называя.

Пускай это бурное море огня
Зовут лучезарным светилом.
Как в детстве, оно для тебя и меня
Останется солнышком милым.
И меньше не станет оно оттого,
Что где-то на малой планете
Не солнцем порой называют его,
А солнышком взрослые дети.

Широким кругам советских читателей Маршак-лирик стал известен в последние годы жизни. Лирические стихи, привлекая внимание любителей поэзии, были написаны на склоне лет, в том возрасте, когда обычно пишут мемуары. В них отразилась богатая художественная натура поэта, его духовные запросы, мысли о времени и о себе, глубокие раздумья на вечно волнующие темы жизни.

С наибольшей проникновенностью Маршак выразил свое понимание смысла жизни в одном из самых глубоких стихотворений советской поэзии «Как призрачно мое существованье!», в котором поэт обращается к ушедшим из жизни любимым друзьям:

Здесь на земле вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля, и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.
За краткий век страданий и усилий,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

Преобразить шум в музыку — вот смысл жизни. Найти гармонию в хаосе, порядок в беспорядке, отразить этот бесконечно разнообразный мир, найти в нем строй и лад, внутреннюю целесообразность — не отвечает ли это нашим стремлениям?

Маршаку был чужд поэтический беспорядок. Гармония и порядок — это эстетический и нравственный идеал Маршака.

Есть люди, переживающие свой век, живущие как бы по инерции. Само их долголетие кажется жестоким. С. Маршаком так не случилось. Его смерть была в полном смысле безвременной. Она была бы безвременной, проживи он еще сколько угодно лет.

Стихи С. Я. Маршака об ушедших друзьях, заканчивающиеся словами: «Вселенную вы сердцем отразили и в музыку преобразили шум», начинались горестным призывом: «как призрачно мое существованье».

В самые последние годы жизни ко всем болезням Маршака прибавилась еще одна — чуть ли не самая страшная для него: надвигающаяся слепота. Ему все труднее и труднее было писать; он сердито острил, что скоро переключится на импровизацию, как Джамбул. Даже делая дарственную надпись на книге, он не мог попасть пером в одну и ту же точку. Но даже в эти минуты Маршак не был жалок. Бесстрашие придавало спокойствие его мудрости, оптимизм опирался на ясность знания.

Маршак всегда открывал мир для себя заново. И в 76 лет между ним и природой не возникало тонкого стекла. Быть может, потому так и поражают последние лирические стихи поэта, потому так прочно входят в наше сознание, что он, по-прежнему глядел на мир восхищенными глазами ребенка и, как чудом, мог любоваться полетом ласточки, игрой в проруби красноперой рыбки, свежестью и чистотой первого ландыша:

Природой бережно спеленатый,
Завернутый в широкий лист,
Растет цветок в глуши петропутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску,
И все свое благоухание
Он отдал горькому цветку.

У всех людей, кому посчастливилось быть знакомым с Самуилом Яковлевичем, каждый раз после встречи с ним появлялось желание делать что-то большое, интересное, новое. Он умел вселить чувство молодости, уверенности и даже праздничности, чувство настоящей радости.

Желаю вам цвести, расти,
Копать, крелить здоровье.
Оно для дальнего пути —
Главнейшее условие.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет,
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево.

В стихах Маршака сочетались юношеская свежесть чувств и раздумья зрелого мыслителя. Маршак был очень

строг и требователен к своим друзьям, но еще строже и требовательней он относится к себе. И работал, работал, работал. Только так он мог жить, горя полным огнем творческого вдохновения.

Ведерко полное росы
Я из лесу принес,
Где ветки в ранние часы
Роняли капли слез.

Ведерко слез лесных набрать
Не пожалел я сил.
Так и стихов моих тетрадь
По строчке я копил.

Эти строки — одни из последних. Они сами говорят за себя.

По воспоминаниям друзей, С. Я. Маршак великолепно читал свои стихи.

«А удивительным было то, что Маршак не обладал ни лирической, ни героической внешностью, и голос его был глухой, зато душа его цела, так внутренне он был верно наполнен, читая любимые свои произведения, что эмоционально потрясал и покорял слушателя. И слушатель забывал и о глуховатом голосе, и о глазах, уловить выражение которых порой мешали поблескивающие толстые стекла очков, так же как не замечал он и попыхивания неизменной сигаретки», — вспоминает И. Ильинский, друг поэта и исполнитель его стихов и переводов.

СЛУЖБА СВЯЗИ МЕЖДУ НАРОДАМИ.

В одно и то же время океан
Штурмует скалы Севера и Юга.
Живые волны — люди разных стран —
О целом мире знают друг от друга.

С. МАРШАК.

Более полувека Самуил Яковлевич Маршак нес почетную «службу связи» между народами — переводил стихи поэтов многих стран на русский язык. Все богатство русского языка поэт использует для создания художественного перевода, сохраняющего весь аромат подлинника. Искусство переводчика было для него искусством портретиста. В переводах С. Я. Маршака ярко проявляется его творческая индивидуальность: он переводил только то, что соответствует его, маршак-овскому взгляду на искусство и на жизнь.

В мировой поэзии он выбирает лишь родственное ему по духу. С. Я. Маршак любил говорить: «Переводчик должен смотреть не только в книгу, но и в окно — последнее даже важнее». В окно, то есть в окружающую действительность, породившую вот это иноязычное стихотворение. Маршак переводил стихотворения многих поэтов мира. Благодаря Маршаку советскому читателю стали известны стихи Юлиана Тувима, Шандора Петефи, Роберта Бернса, Редьярда Киплинга, Эдварда Лира и многих других.

Переводы сонетов Шекспира Маршаком считаются лучшими в советском переводном искусстве.

МАРШАК И ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР.

Превыше всего в Шекспире, как и в Блейке и в Бернсе, Маршак ценит то, что они все трое — воители, что они пришли в этот мир угнетения и зла для того, чтобы сопротивляться ему. Потому и удалось Маршаку перевести творения этих «потрясателей копьями», что он всей душой понимал их негодование и ненависть и, полюбив их с юношеских лет, не мог не захотеть, чтобы их любили мы все.

Я переводил Шекспировы сонеты.
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом
В другие дни, в другом краю планеты.

Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: потрясай копьём.

Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила,
Свергались троны, падали цари...

А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.

Маршак увидел в «Сонетах» Шекспира страстную исповедь человеческого сердца, счастливого и одновременно несчастного, поэтический дневник, полный мыслей и чувств. Он увидел в этой небольшой книге ключ ко всему огромному и богатому миру великого поэта-гуманиста — ключ к его философии, к характерам шекспировских героев, увидел высокий оптимизм, утверждающий жизнь и его бессмертие, увидел образ гордого и независимого человека.

В «Лирических эпиграммах» есть у Маршака двестише — «Переводчику»:

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

Воссоздавая на русском языке сложную систему шекспировских образов, Маршак-переводчик остается самим собой — язык его прост, ясен, естественен. И это отнюдь не упрощает поэзии Шекспира. Детски простое, веселое, ясное вполне совместимо со значительным и мудрым. Вспомним изумительные, проникнутые духом народной поэзии лирические песенки, которые всегда занимают столь важное место в пьесах Шекспира. Прозрачная и веселая песенка из «Зимней сказки», переведенная Маршаком, может стать рядом со стихами из детских хрестоматий:

Веди нас, дорожка, вперед и вперед!
Начала тебе и конца нет.
Веселое сердце идет и поет,
Печальное — скоро устанет.

Передать на другом языке все особенности шекспировской речи, шекспировского слога — задача непростая. Шекспир и в своих драматических произведениях был лиричен, а теперь, после переводов Маршака, мы узнали Шекспира и как лирического поэта.

В любви и в слове — правда мой закон,
И я пишу, что милая прекрасна,
Как все, кто смертной матерью рожден,
А не как солнце или месяц ясный.

Я не хочу хвалить любовь мою,
Я никому ее не продаю!

(сонет № 21)

Маршак передал тут в одной лаконичной, афористической фразе мысль, которая выражает эстетические принципы Шекспира: «В любви и в слове — правда мой закон». Эти понятия для Шекспира почти всегда синонимы: правда и красота, правда чувств и правда их изображения. Фальшивое оригинальничанье и стремление к ложной новизне он беспощадно обличает и высмеивает.

Ее глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щек.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежной лепесток.

Ты не найдешь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.

И все же она уступит тем едва ли,
Кого в сравнениях пышных оболгали.

(сонет № 130)

Маршак в своих пере-
водах «Сонетов» всегда
стремится уловить слож-
ное состояние души. Со-
нет о размолвке влюб-
ленных раскрывает один
момент душевного со-
стояния, когда грусть, как
летучее облако, ненадоль-
го посещает душу поэта
и улыбка легко разго-
няет печаль. Но вот дру-
гой момент душевной
жизни, другое чувство —
не просветленное, спо-
койное, а бурное, кипя-
щее, в котором и неж-
ность, и боль, и страх
разлуки, и страстная, по-
хожая на заклинание
мольба:

Уж если ты разлюбишь, — так теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя!

И если скорбь дано мне превозмочь,
Не наноси удара из засады.
Пусть бурная не разрешится ночь
Дождливым утром — утром без отрады.

Оставь меня, но не в последний миг,
Когда от мелких бед я ослабею.
Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг,
Что это горе всех невзгод больше.

Что нет невзгод, а есть одна беда —
Твоей любви лишится навсегда.

(сонет № 90)

Для того, чтобы передать на другом языке весь драматизм этого монолога, нужно слова выбирать самые сильные, строить предельно сжатую фразу. «Несчастье», «Невзгоды» — слишком слабы для того, чтобы выразить горечь потери любимой. Во всей этой гамме слов народное «беда», пожалуй, ощутимее, драматичнее других. Не случайно же оно и вынесено в конец сонета.

МАРШАК И РОБЕРТ БЕРНС.

Во всей мировой литературе трудно, вероятно, найти другого поэта, который естественно и непосредственно, как Бернс, привел на вершины поэзии своих соседей — фермеров и батраков, угольщиков и бродячих лудильщиков, поэтов без гроша в кармане, словом, весь тот «простой, веселый честный люд», который он так смело противопоставил богатым бездельникам.

Его поэтический мир — родная деревня в Юго-западной Шотландии, милая его сердцу природа. Тут все ему дорого, все полно особого значения — и маленький, скромный цветок маргаритки, смятый тяжелым плугом пахаря, и подбитый охотником заяц, и заросли цветущего вереска. Ему по душе простые, неподдельные радости, непродажные чувства, независимые и великодушные люди: скромная и полная достоинства босая девушка, смелый горский парень, солдат, возвращающийся с войны домой с пустой походной сумкой и чистой совестью, веселая подружка угольщика, которая не променяет любовь ни на золото, ни на жемчуг богача. Мир этот не так будто велик, но это мир великого поэта, в сердце которого вместились вся его родня. И не только она одна! Прав был, конечно, Маршак, когда писал, что одного Бернса хватило бы, чтобы навсегда сдружить нас с Шотландией. Советский читатель полюбил вольного, независимого героя его стихов, который умеет стойко переносить страдания и тяготы, презирает всякое пресмыкательство и вместе с Бернсом гордо может сказать: «Как бы я ни был беден, у меня есть мое независимое состояние — мой плуг».

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

(Роберт Бернс. «Честная бедность»)

Форма стихов Бернса ближе всего к шотландской народной балладе и лирической песне. Переводчику Бернса, следовательно, очень важно передать на другом языке эту народно-песенную стихию, настолько органичную для Бернса, что созданная им песня тотчас возвращалась к поэту из уст фермера, идущего за плугом, или веселых девушек и парней, пляшущих под скрипку на сельской вечеринке. Переводить стихи Бернса на другие языки чрезвычайно сложно. Маршак блестяще справился с этой задачей. В нашей стране стихи и песни шотландского поэта пользуются широкой популярностью благодаря неутомимой переводческой работе Самуила Яковлевича Маршака.

Взыскательная работа над переводами Бернса позволила Маршаку добиться русского звучания Бернсовского стиха:

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу пежных ног.

Такие пожки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас.

Бежит ручей ее кудрей
Лыняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме почей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

(Роберт Бернс. «Босая девушка»)

Столь характерный для Бернса песенный подхват последних слов строфы следующей строфой создает и в переводе песенную непрерывность, почти магическое нарастание энергии:

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна,
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок.
А он, как жизнь, бежит.

Кроме лирических песен у Бернса есть множество экспромтов, эпиграмм, эпитафий, при переводе которых Маршаку понадобился не письменный стих, а противоположный ему — лаконичный, хлесткий:

Лепить свинью задумал черт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решенье
И вас он вылетил, Милорд!

Или знаменитый «Ответ на угрозу злонамеренного критика»:

Немало льву вражда ударов нанесла,
Но сохрани нас бог от ярости осла!

На Бернсовском фестивале в Шотландии в 1955 году, где в качестве гостя вместе с другими советскими литераторами присутствовал и Маршак, он стал «героем фестиваля». Писатель Борис Полевой вспоминает:

«Обаяние Маршака, умевшего чувствовать себя отлично в любой незнакомой среде, однако не сливаясь и не теряясь в ней, создало вокруг нашей маленькой советской группы атмосферу тепла и доброжелательности. Поэта на Британских островах отлично знали; его, как старого друга, приветствовали и знаменитый шотландский поэт Хью Мак-Дайармид, и шахтеры из копей Эйра, поклонники своего великого земляка, знающие наизусть все стихи, и мэр столицы Шотландии, устроивший прием в честь участников фестиваля в городской ратуше. У всех находились для Маршака слова восхищения. Это было проявлением уважения к удивительному таланту Маршака, его любви к Бернсу, к его поразительному умению как бы перевоплощаться в этого гордого, беспокойного, иронического, веселого шотландца, который превыше всех титулов, наград и официальных признаний ставил любовь своего народа.

В эти дни я и познал силу поэзии Маршака».

РОБЕРТ СТИВЕНСОН И ВИЛЬЯМ БЛЕЙК В ПЕРЕВОДАХ С. Я. МАРШАКА.

Все, наверное, знают имя Роберта Стивенсона, читали его романы «Катриона», «Похищенный», «Остров сокровищ», «Черная стрела». А знаете, что Стивенсон был и поэтом?

Из вереска напиток
Забыт давным давно.
А был он слаще меда,
Пьянее чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки медовары
В пещерах под землей.

Сколько угодно есть переведенных стихов, которые можно перевести раз, два, три. А «Вересковый мед» Стивенсона, переведенный С. Я. Маршаком, никак не переведешь вторично. Это перевод надолго, навсегда.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь.

Старость боится смерти,
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну:—
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Сильный шотландский воин
Мальчика кренко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик...
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды,
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Советский писатель Вас. Субботин пишет:

«Мы думаем, до сих пор так думали, что кроме сонетов Шекспира, кроме английских и шотландских народных баллад, Китса и Вордсворта, Киплинга, Эдварда Лира, Милна, кроме Петефи и Гейне, Родари и Байрона, думали, что основное, что он сделал, это Бернс, которого у нас так знают и любят. Но теперь... я думаю, основное это Блейк. Блейк, который стал трудом всей жизни».

Имя замечательного английского поэта и художника Вильяма Блейка стало известно широким кругам советских читателей в основном с 1957 года, когда Международный Совет Мира постановил отметить двухсотлетие со дня его рождения.

Работа над Блейком сопровождала С. Я. Маршака на протяжении всей его творческой жизни. Он начал переводить своего любимого поэта еще юношей. В течение пятидесяти лет С. Я. Маршак неоднократно возвращался к книге «Избранные произведения Блейка», пополняя ее новыми переводами и совершенствуя старые. Один из друзей С. Я. Маршака вспоминает: «Особенно меня поразили

двустипшия. Видимо, их было труднее всего перевести из-за краткости их:

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.
Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Но еще более меня поразили мысли Блейка, записанные им в прозе, его афоризмы по одной строке:

- Водоем содержит; фонтан переполняет.
- Тот, чье лицо не излучает света, никогда не будет звездой.
- Где нет человека, природа бесплодна.
- Молитвой не пашут, хвалою не жнут.

С. Я. Маршак разглядел под символической оболочкой многих стихов Блейка истинно народную основу его поэзии и сумел передать в переводе торжественно-простых «Песен невинности» и трагически гневных «Песен опыта» свойственную этому большому поэту силу реалистического восприятия жизни.

Первым среди английских писателей он нарисовал образы нищих, обездоленных детей, которых богатая страна кормит, как мачеха — скупой и жадной рукой. Именно эти стихи о городских детях перевел Маршак в первую очередь. У себя на родине они живут как пасынки, оглашая улицы не смехом и песнями, а криками семилетних трубочистов, ищущих работы, и плачем голодных маленьких узников, томящихся в душных мастерских.

Чуть увидел я свет, умерла моя мать,
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я тружусь и терплю.
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давече кудри у нас новичку,
Белокурую живо обрили башку...
Я сказал ему: «Полно, не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос».

Вильям Блейк был певцом детства — как радостей самой юной поры человечества, так и его первых горестей. «Песнями невинности» называл он свои первые стихи, и С. Я. Маршак нашел здесь много близкого себе. У Блейка было изумительное поэтическое чувство природы, детское восхищение ее красотой, благоговение перед ее чудесами и тайнами.

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Достичь того, чтобы стихи величайших поэтов, сохраняя свой национальный характер, прозвучали в переводе как русское, с такой же непринужденной, живой интонацией, — задача, конечно, нелегкая, которую можно было решить лишь неистовым трудолюбием Маршака.

Корней Чуковский вспоминал: «Исписать своим нетерпеливым, энергичным почерком целую кипу страниц для того, чтобы на какой-нибудь тридцать пятой странице выкристаллизовались четыре строки, отличающиеся абсолютной законченностью, по-маршаковски мускулистые, тугие, упругие, — таков уж в те времена был обычный, повседневный режим его властной работы над словом».

* * *

То, что сделано С. Я. Маршаком в литературе, под стать целому коллективу. По его книжкам учились узнавать значение слов те, кто поднимается на леса новостроек, и те, кто создают космические корабли, и те, кто летают в космос.

А сегодня человек, который достигнет зрелости в двухтысячном году, впервые входит в мир поэзии через двери, открытые для него Маршаком.

Вы вырастаете, но не растаете с своим поэтом. После Маршака-сказочника, чьи стихи вы повторяли, наизусть, часто, даже не зная имени автора, вас встречает Маршак-лирик и драматург, Маршак-переводчик сонетов Шекспира, баллад и песен Бернса. Всегда новый и в то же самое время давно знакомый, с детства любимый поэт.

КНИГИ С. Я. МАРШАКА

1. Маршак С. Я. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 1—8. М., «Художественная литература», 1968—1972.
2. Маршак С. Я. Собрание в 4-х томах. Т. 1—4. М., Гослитиздат, 1958—1960.
3. Маршак С. Я. Избранная лирика. М., «Художественная литература», 1964. 190 с.
4. Маршак С. Я. Избранное. Библиотека советской поэзии. М., Гослитиздат, 1964. 327 с.
5. Маршак С. Я. Избранные переводы. Предисл. А. Аникста. М., «Детская литература», 1959. 512 с.
6. Маршак С. Я. Лирика. М., «Детская литература», 1960. 191 с. (Поэтическая библиотека школьника).
7. Маршак С. Я. Лирические эпиграммы. М., «Советский писатель», 1965. 6 с.
8. Маршак С. Я. Сатирические стихи. Избранное. М., «Советский писатель», 1964. 190 с.
9. Вересковый мед. Английские баллады, песни, лирические стихотворения. Перевод С. Я. Маршака. Рис. Ю. Лебедева. М.-Л., Детгиз, 1947. 208 с. с илл.
10. Вильям Блейк в переводах С. Я. Маршака. М., «Художественная литература», 1965. 182 с.
11. Роберт Бернс в переводах С. Маршака. Избранное в двух книгах. М., Гослитиздат, 1963.
12. Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака. М., Гослитиздат, 1960. 206 с.

КНИГИ О С. Я. МАРШАКЕ

1. Галанов Б. С. Я. Маршак. Жизнь и творчество. М., «Детская литература», 1965. 311 с. (Дом детской книги).
2. Маршак С. Я. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. (Избранные письма). М., «Художественная литература», 1972. 606 с.
3. Я думал, чувствовал, я жил. Воспоминания о С. Я. Маршаке. М., «Советский писатель», 1971. 504 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Лауреат Ленинской премии Самуил Яковлевич Маршак.	
Беседа первая	4
«Пусть будет добрым ум у Вас...» Беседа вторая	8
Служба связи между народами. Беседа третья	12
Маршак и Вильям Шекспир. Маршак и Роберт Бернс. Беседа четвертая	16
Роберт Стивенсон и Вильям Блейк в переводах С. Я. Маршака. Беседа пятая	19
Книги С. Я. Маршака	23
Книги о С. Я. Маршаке	23

«МАРШАК СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Художник С. А. Холопов. Редактор А. П. Морозова.
Художественный редактор А. В. Мошев. Технический редак-
тор А. Н. Вшинева. Корректор А. Надуткина.

Сдано в набор 16/VII-1975 г. Подписано в печать 21/1.76 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага № 3. Бум. л. 0,375. Усл. печ. л.
1,26. (Уч-изд. л. 1,19.) Заказ № 7146. Ц100245. Тираж 1500.
Цена 3 коп. Коми книжное издательство, Сыктывкар,
Дом печати.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров
Коми АССР.

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

3 коп.

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми
«Национальная детская библиотека республики Коми им. С.Я. Маршак»

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1976